

Ли Мые резко проснулся от вибрации передатчика, спрятанного у него на груди. Привыкший спать до упора, он ужасно разозлился на этот будильник и, едва удержавшись, чтобы не швырнуть прибор куда подальше, мгновенно пришел в себя.

Этот коммуникатор стоил больше тысячи хуаюаней, и отец дал его сыну, чтобы тот мог связываться с матерью, жившей в уезде.

Небо снаружи только-только серело. Солнце, выглянувшее из-за горизонта, и сине-зеленая морская гладь сливались воедино, напоминая полосу лазурного света. Автобус в уезд был всего один, так что Ли Мые поневоле пришлось встать ни свет ни заря.

Толкнув дверь своей комнаты, он увидел отца, который сидел за обеденным столом с прямой спиной. Две пиалы горячего супа из морепродуктов с яйцом еще испускали легкий парок. Выпив суп, Ли Мые уже собирался выходить на автобус, но Хань Фэн окликнул его:

— Деньги на пробуждение у твоей матери. Вот эти пятьсот хуаюаней — трать в дороге экономно.

Глаза Ли Мые слегка защипало. Он молча взял деньги и, подойдя к выходу, бросил отцу: «Я пошел», — но так и не решился оглянуться.

Перед автостанцией учитель Тан уже стоял возле автобуса, а за его спиной толпились трое детей. Ли Мые помахал учителю Тан и, подбежав, звонко крикнул:

— Учитель, я пришел!

Услышав это, учитель Тан приподнял брови, и на его старом лице появилась улыбка.

Он помнил этого мальчишку, который вчера заснул прямо на уроке. Однако время шло, и, как ни вглядывался учитель Тан со слабым проблеском надежды в глазах, пятого ребенка так и не появилось.

Водитель громко крикнул учителю Тан:

— Залезайте в автобус! Время вышло, больше никто не придет.

Учитель Тан поднялся в салон вместе с четырьмя детьми. Путь от деревни Хаймо до уезда Лихай занимал почти три часа. Все четверо детей впервые выбирались из деревни, поэтому они неотрывно смотрели по сторонам через окна, глаза то налево, то направо. Сверстники всегда быстро находят общий язык, болтая о всяких деревенских мелочах, и вскоре Ли Мые узнал их имена.

Одного звали Ван Хао — он был сыном сельского чиновника. Второго звали Хань Чанлэ — его отец занимался скупкой морепродуктов в деревне с последующей перепродажей в уезде. Единственную девочку звали Чжао Сюэ, и она была дочерью старосты.

Дорога из деревни в уезд оказалась скверной. Автобус всю дорогу трясло и швыряло, и хотя детей не укачало до рвоты, у всех было ощущение, будто головы наполнились туманом.

Наконец в полудреме автобус остановился. Ли Мые заблаговременно позвонил матери Су Лань еще в дороге, и та пообещала встретить Хань Мые на автостанции.

Учитель Тан вывел четырех детей из автобуса. Перед глазами Ли Мые предстали красивые трехэтажные дома, аккуратно вымощенные асфальтом дороги, а на обширной территории автостанции стояло больше десятка больших автобусов.

Ли Мые как раз расспрашивал учителя Тан о времени и месте завтрашней церемонии пробуждения, когда какая-то женщина с хорошей фигурой звонко окликнула:

— Мые, сюда!

Ли Мые взволнованно подбежал к ней и крикнул:

— Мам!

Из-за работы Су Лань могла возвращаться в деревню и навещать Ли Мые только в дни отдыха. Иногда из-за сверхурочной работы и обилия заказов на пошив одежды она вообще не могла вырваться. Из-за этого Ли Мые виделся с Су Лань крайне редко, но каждый раз, возвращаясь, мать покупала ему подарки и давала деньги на карманные расходы для него и отца.

Заработка швей-помощницы было немного, к тому же ей приходилось содержать себя и дочь.

Долго не видевшиеся мать и сын вовсе не казались чужими — болтовня Су Лань, полная бесконечной заботы и расспросов, очень быстро сблизил их.

Тут Су Лань заметила учителя Тан и поспешно подошла, чтобы поблагодарить его за заботу о маленьком Е. Учитель Тан отмахнулся, мол, пустяки. Обменявшись дежурными любезностями, Су Лань увела Ли Мые, предварительно договорившись встретиться завтра утром.

Су Лань привела Ли Мые в швейную мастерскую, где работала. Ли Мые оглядел ряды новой одежды в зале, светлую просторную гостиную, а потом посмотрел на собственные зашторенные, добела выстиранные рубашки, кожаные туфли со следами морского песка ила на носках, которые совершенно не сочетались с сияющим черным мраморным полом под ногами, и невольно почувствовал укол неполноценности.

Су Лань не заметила настроения сына. Поздоровавшись с коллегой, стоявшей за прилавком, она провела Ли Мую в подсобную мастерскую.

Пять или шесть женщин были заняты раскроем и шитьем одежды. Увидев, что Су Лань ведет Ли Мую, они слегка удивились, но тут же принялись подшучивать над ней: надо же, и не скажешь, что у нее уже такой взрослый сын! Су Лань с улыбкой отвечала, что завтра он уже будет участвовать в церемонии пробуждения, и если он действительно пробудится, то она наконец выберется из нужды.

Ли Мую растерянно молчал, не зная, что вставить в разговор. Незнакомая обстановка заставляла мальчика чувствовать себя неуверенно. В этот момент та самая женщина-продавец вошла в мастерскую с большим пакетом в руках и протянула его потерянному Ли Мую...

Су Лань с сияющей улыбкой смотрела на переодетого Ли Мую. Новая одежда сидела как влитая, и в одно мгновение он словно превратился в совсем большого парня.

Худощавая, но уже ладно скроенная мальчишеская фигура, рост метр семьдесят — он уже перерос мать. Глядя в зеркало на человека, похожего на него как небо и земля, Ли Мую был невероятно рад. Он уже и не помнил точно, когда в последний раз носил обновку — то ли в десять лет, то ли в одиннадцать.

Су Лань всегда испытывала чувство вины из-за того, что не могла как следует заботиться о ребенке, но суровая жизнь не оставляла выбора. В тот вечер она снова повела Ли Мую есть тушеного цыпленка и отступилась, только когда он уже физически не мог в себя впихнуть ни кусочка. Постоянно ворча и упрекая Ли Фэна в том, что тот совсем не умеет обращаться с детьми, она продолжала свою заботливую болтовню. Счастливый вечер незаметно растаял в этой мирной и уютной атмосфере материнского тепла.

<http://bllate.org/book/21078/2141682>